

ролю Франции и христианам. В этот день они высаживаются на берег, чтобы пешими сразиться с конным воинством язычников!» Эта история записана, и документ был доставлен легату, который сам рассказывал мне о ней. Могу заверить вас, что Богоматерь в самом деле помогла нам в тот день и дальше помогала бы нам, если, как я рассказывал вам, мы бы не разгневали Ее и Ее Сына.

Король отпустил меня в Тортозу и, как ему подсказали советники, попросил меня купить для него пятьдесят кусков камлота разных цветов, чтобы одарить францисканцев, когда мы вернемся во Францию. Я приободрился, потому что просьба короля дала понять, что мы еще недолго будем оставаться за морем.

Когда мы прибыли в Триполи, мои рыцари попросили объяснить, что я собираюсь делать с этими отрезами камлота. «Может быть, – сказал я, – я украл их, чтобы выгодно продать». Принц Триполийский – да благословит его Господь! – принял нас со всем почетом и оказал нам все почести, которые только мог. Он одарил бы и меня, и моих рыцарей ценными подарками, если бы мы согласились их принять. Но мы отказались брать их, кроме нескольких реликвий, которые я преподнес королю вместе с камлотом, который я купил для него.

Также я передал четыре куска камлота ее величеству королеве. Рыцарь, который преподносил их, завернул камлот в белую льняную ткань. Королева, увидев, как он входит в ее покои, встала перед ним на колени, а он, в свою очередь, преклонил колени перед ней. И королева сказала ему: «Встаньте, мой благородный рыцарь, не подобает вам преклонять колени, когда вы несете реликвии». – «Мадам, – ответил рыцарь, – это не реликвии, а куски камлота, которые вам шлет мой сир». Услышав это, королева и ее дамы начали смеяться. «Скажите вашему сиру, что я желаю всех бед на его голову, – сказала королева моему рыцарю, – потому что он заставил меня встать на колени перед его камлотом».

Во время пребывания короля в Сайде кто-то принес ему камень, который расслоился на пластинки. Это был самый удивительный камень в мире, потому что между двумя пластинками было изображение морской рыбы. Она вся сплошь была каменной, но у нее все было на месте – форма, глаза, кости, расцветка, – так что она выглядела как живая. Король дал мне один из этих камней. Внутри я нашел линия; он был коричневого цвета, но со всеми подробностями, которые вы предполагали бы найти у линия.

Будучи в Сайде, король получил известие о смерти своей матери.²⁰ От скорби он впал в такую протрацию, что два дня никто не мог заговорить с ним. Затем он прислал за мной одного из слуг. Когда я предстал перед Людовиком IX, он в одиночестве сидел в своей комнате и, едва только увидев меня, простер ко мне руки и сказал: «Ах, сенешаль, я потерял мать!» – «Сир, – сказал я, – это не удивляет меня, потому что она должна была умереть. Но я удивлен, что вы, мудрый человек, так скорбите из-за этого. Ведь, как вы знаете, один мудрый философ сказал, что, какую бы печаль человек ни испытывал в сердце своем, на лице его ничто не должно отражаться, потому что, показывая свою скорбь, он радуется своих врагов и огорчает друзей». За морем король провел много торжественных служб в честь королевы-матери и отослал во Францию целый короб писем ко всем церквам с просьбой молиться за ее душу.

Мадам Мари де Вертю, очень добрая и благочестивая женщина, пришла сказать мне, что королева погружена в печаль, и попросила меня прийти к ней и успокоить. Явившись к ней, я застал королеву в слезах. «Женщина, – сказал я ей, – которая так ненавидела вас, мертва, а вы так печалитесь». Она ответила, что льет слезы не по королеве Бланке, а из-за той скорби, которую испытывает король, узнав о ее кончине, а также потому, что ее дочь – потом она стала королевой Наваррской – осталась на попечении одного мужчины.

Королева Бланш (Бланка) относилась к королеве Маргарите настолько нетерпимо, что даже не позволяла своему сыну находиться в обществе своей жены, пока вечером он не отправлялся спать с ней. Дворец, в котором молодой король и его жена больше всего любили находиться, стоял в Пон-туазе, потому что в нем покои короля находились на верхнем этаже, а королевы – под ними. Им приходилось встречаться и разговаривать на спиральной лестнице, которая вела от одной комнаты к другой. И как только швейцарцы видели, что приближается королева Бланка, они стучали в дверь дверками своих алебард, и королю приходилось быстро бежать в свою комнату, чтобы мать застала его там. Постельничий королевы Маргариты делал то же самое, когда королева Бланка яв-

²⁰ Королева Бланш (Бланка) умерла в ноябре 1252 года. Сообщение о ее кончине шло очень медленно и пришло к королю Людовику не раньше июня 1253 года. Возможно, Жуанвиль в своих воспоминаниях ошибается.